

«ПО-ГРУЗИНСКИ ГОВОРИ
СВОБОДНО»:
ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИЗЫВА
БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В ЖИЗНИ И
ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ
ГРУЗИНСКИХ АФОНЦЕВ

*«Только что предстала предо мной некая великолепная
царица и сказала грузинским языком: „...Не бойся, и по-
грузински говори свободно“»*

Иеромонах Гиорги (Святогорец)

Житие блаженных отцов Иованэ и Эптимэ

Хотя основатели и первые насельники Афонского Иверского монастыря не представляли со-

бой в свою эпоху какого-то уникального явления – поскольку к тому времени подвижничество грузинских монахов и священнослужителей за пределами Грузии, основание на чужбине монастырей, переводческая работа, то, что в первую очередь характеризует деятелей Ивирона, было привычным делом, все-таки они, в силу некоторых причин, занимают особое место в истории, культуре и сознании нашего народа. Они в целокупности своей личности, жизни и деятельности не только составляют значительную часть основания нашего национального бытия и самосознания, но вместе с тем представляют собой некое учение, которое, осмелимся сказать, в своей значительной части до сих пор не было понято.

Это тем более удивительно, что учение афонских грузинских отцов не является каким-то тайным, зашифрованным посланием, которое требует раскрытия соответствующими методами, и не содержит каких-то неслыханных ранее или позднее мыслей. Оно лишь предлагает своеобразный подход, взгляд на место и призвание отдельного народа, а именно, грузинского в пространстве христианского мира, Церкви и культуры. Учение афонских отцов зиждется на историческом опыте народа и Церкви Грузии, но, в то же время, благодаря ясности, четкости и выразительности представляет собою вершину этого опыта.

Их учение подкреплено их же величайшим авторитетом в глазах не только грузин, но и ино-

племенников, в окружении которых они провели большую часть своей жизни, авторитетом, который засвидетельствован близостью первых афонских грузин со святым Афанасием Афонским, высокой оценкой их этим святым, объявлением Афанасием Афонским Иованэ Святогорца, а после него его сына Эптвимэ своими наследниками в ранге общих руководителей и духовных отцов всего Афона, почтительным отношением византийских и грузинских царей и вельмож, не только из-за их благородного происхождения, но еще более из-за духовной высоты. Наконец тем, что Иованэ, Эптвимэ и Гиорги Святогорцы вообще видятся выдающимися представителями византийской и грузинской цивилизации своего времени.

Но их учение осенено еще более высокой санкцией, или благословением. В истории основателей Иверского монастыря отмечено два случая прямого вмешательства Богородицы. Удивительно, что биограф первых афонцев Гиорги Святогорец ничего не рассказывает об одном из них – чудесном появлении в монастыре иконы Божьей Матери позднее названной Иверской, которой прославилась афонская грузинская обитель, и ограничивается следующим сообщением об этой иконе:

«Когда входили в церковь, сперва отец Эптвимэ и потом братия вся, пока не станут на колени и не поклонятся Святой Богородице, которая на вратах, – не входили»¹.

¹ *Житие ИЭ.* «Символ», N 35, 996, с. 282.

Второе вмешательство Божьей Матери произошло в виде личного Ее явления, когда Пречистая исцелила умиравшего отрока Эптвимэ и «грузинским языком» дала ему такое послушание: «Нет у тебя никакой болезни, встань, не бойся, и по-грузински говори свободно». К этому блаженный Иованэ, отец Эптвимэ, прибавлял: «До сего времени он с трудом говорил по-грузински, и я весьма печалился из-за этого, а с тех пор безостановочно, как источник, изливается < у него грузинская речь > чище, чем у всякого грузина»².

Это потрясающее явление, исцеление обреченного Эптвимэ и дарование ему безостановочной и чистейшей грузинской речи, по мысли Иованэ, отца Эптвимэ, и их жизнеописателя Гиорги Святогорца предусматривало будущие переводческие труды Эптвимэ, которыми он «просветил язык грузин и страну»³.

Это не только самой собой разумеется, но и подчеркнуто следующим затем ободрением Иованэ: «Чадо мое, страна Картлийская [Грузинская] в великом недостатке от книг, и многих книг недостает, и вижу, что Бог даровал тебе. Ныне подвижайся, дабы умножить вознаграждение твое от Бога»⁴. И помещенным тут же длинным списком

² *Житие ИЭ*, гл. VIII, с. 138; «Символ», N 34, 1995, с. 396.

³ *Ibidem*, N 34, с. 359.

⁴ *Ibidem*, с. 369.

переведенных Эптвимэ сочинений⁵.

Такой же список находим мы и в житии Гиорги Святогорца, что так же представляет нам этого подвижника, как в первую очередь наследника переводческого призвания Эптвимэ и полученной им благодати⁶.

Но в то же время личности, деяния и мысль великих грузинских афонцев не вмещаются в рамки, как будто очерченные высказыванием Божьей Матери.

Именно из-за этого несовмещения рождается ощущение, что и главные слова этого высказывания не вмещаются в рамки своего прямого смысла, требуют расширения, распространения; что «грузинский» в поручении Божьей Матери указывает не только на язык определенного народа, но также и на его опыт, на характерное для этого народа сознание, своеобразное мирозерцание, на свойственные ему правила взаимоотношений с этим миром, а свободный разговор на нем, кроме ловкого обращения со словом, на осознание всего этого и ясное, бесстрашное («не бойся») объявление.

При этом афонские отцы являются чадами и самоотверженными служителями Церкви Христовой, и для них так же, как для первого идеолога «грузинства» Иованэ Сабанидзе, Картли,

⁵ *Ibidem.*

⁶ Гиорги Мцире. *Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Гиорги Святогорца (далее – Житие ГС).* «Символ», N 38, 1997, сс. 282–283.

Грузия – это «*мать святых*», страна-Церковь, народ-Церковь, притом «мать» не только грузин («*некоторых здешних же жителей*»), но и чужеземцев («*некоторых чуждых и отвне пришельцев к нам*»), поэтому все грузинское у них связано с учением Христа и Его Церковью, очищено от этничности, хтоничности⁷, узкого, ограниченного и эгоистического народничества⁸.

Опираясь на «*Жития*» афонских отцов, мы можем проследить воплощение поручения Божьей Матери на примере пяти-шести поколений, среди них, Гиорги Святогорца и его ученика Гиорги Мцире. Эти последние не только составили историю создания Иверского монастыря и его выдающихся подвижников, но и подытожили и зафиксировали упомянутое выше учение афонских грузин. По мысли этих двух больших писателей, не только переводческие труды Эптвимэ, Гиорги и их сотрудников, но всю их деятельность можно и нужно считать ответом на призыв Пресвятой Богородицы.

Например, мы знаем, что Эптвимэ не ограничился переводами с греческого на грузинский, и создал несколько греческих произведений, основу которых составили существовавшие ранее тексты на грузинском языке. По этому поводу Гиорги

⁷ С греч. – земля, почва.

⁸ *Мученичество святого и блаженного мученика Христова Або. «Символ»,* № 44, 2001, с. 304. В кн. *Мученичества Шушаник, Эвстати, Або*, сс. 95–149.

Святогорец с восторгом и гордостью отмечает, что Эптвимэ *«просветил язык грузин и страну»* и его *«творения радуют дальних и ближних, и сладость переведенных им книг, подобно звучному золотому рожу, трубит над всею страной не только грузинской, но и греческой, ибо Балавари и Абакура и другие некоторые писания с грузинского перевел он на греческий»*⁹. Гиорги даже не приходит в голову содержательно, ценностно или хотя бы синтаксически размежевать, различить эти два направления деятельности своего героя – греческо-грузинские и грузинско-греческие переводы. Для него и те, и другие служат просвещению грузинской страны и языка. Деяние Эптвимэ и одобрительный отклик Гиорги на него – оба свидетельствуют, что поручение славной Госпожи они понимали не в узком смысле, не в узких рамках. Что «свободно говорить по-грузински» подразумевает не только творчество на грузинском языке, не только обогащение и совершенствование грузинского языка, культуры и сознания, но сообщение другим языкам, другим народам произросших на грузинской почве плодов грузинского творчества и таланта, исторического опыта грузин.

Для этого, в частности, необходимо осознание обретенного опыта и плодов его. Деятельность Гиорги Святогорца была увенчанием дела первых афонцев, не только в том непосредственном смысле, что он оказался наследником и продолжателем

⁹ *Житие ИЭ.* «Символ» N 34, 1995, с. 359.

переводческого труда Эптвимэ, но и в том, что он осмыслил их опыт – еще шире раздвинул границы свободного говорения по-грузински и словом и делом очертил его рамки. Затем уже его, Гиорги, наследником и продолжателем, истинным учеником оказался Гиорги Мцире, который и довел дело до конца, ибо описал жизнь и подвижничество Гиорги Святогорца и представил его не только продолжателем деяний первых афонцев, но чутким восприемником их мировоззрения, их ментальности.

Расширение грузинской речи достигает одной из вершин в том, что на определенном уровне духовного очищения и восхождения родная речь превращается в мета-речь и, как родная речь, становится понятной без перевода для святого чужеземца, так же как и речь этого святого (итальянская) – для равного ему по духу грузина.

«Прежде помянутый тот преподобный священник, Габриэл грузин, и этот святой старец, великий Леон римлянин, великую любовь имели духовную... И кроме своего языка ни тот не знал, ни этот < другого >. И, когда стемнеет, выходили из своих келий, и молились, и усаживались, и до утреннего звона вели беседы божественные... И говорили отцы наши:... „Для их святости все было возможно и вероятно, ибо велики они были пред Богом и совершенны”»¹⁰.

То же самое расширенное понимание нацио-

¹⁰ *Ibidem*, с. 372.

нального делания видим мы при самом основании и строительстве Иверского монастыря. И здесь грузинские монахи не довольствуются созданием национального духовного очага, «*для отдохновения грузин*», по слову Гиорги Святогорца. Появление на Афоне грузин и основание Иверского монастыря сопровождалось щедрым одариванием всех других афонских монастырей, которые по свидетельству того же Гиорги Святогорца «*в те времена были еще бедны*», из той добычи, которой победоносный Торник, сподвижник Афанасия Афонского и Иованэ Святогорца, завладел в результате победы над мятежным Вардой Склиром¹¹. Но грузинские отцы не удовлетворились и такой умеренной благотворительностью. В монастыре, который был основан и построен именно для грузин, с самого начала оказались и греки и другие иноплеменики. Введение в монастырь греков, по свидетельству Гиорги Святогорца, произошло не без определенных колебаний и, на первый взгляд, только ради хозяйственных нужд, «*поскольку мы, как видите, не имеем никакого морского опыта,.. и потом без кузнецов, и каменщиков, и строителей, и виноградарей, и корабельщиков и других подобных держать такую обширную лавру нет сил. И все это изыскали святые отцы наши, и, хочешь или нет, как мы сказали, приняли и их*»¹².

¹¹ *Ibidem*, с. 365.

¹² *Ibidem*, с. 363.

Но трудно представить, чтобы столь высокие духом люди решали такое важное дело лишь на хозяйственном уровне. Чада той Церкви, которая от своего начала явилась миру, как общая мать *«здесьних жителей»* и *«отвне пришельцев»*, должны были открыть и для иноплеменников монастырские врата, *«хочешь или нет»*, по слову Гиорги Святогорца, ради хозяйственных нужд или по иному поводу.

Если все же поселение в Ивиране греков было допущено не совсем с открытым сердцем, то приглашение и прием в монастырь *«римлян»*, италийцев было подсказано настоящей братской симпатией. Если греков грузины приняли после определенных колебаний и обсуждений, то италийцев они *«умоляли быть здесь»*. И впоследствии оказали поддержку при постройке национального монастыря, купили им место и пособили *«всем необходимым»*¹³.

С тем же расширением грузинства сталкиваемся мы и в чисто духовной сфере, когда Иованэ и Эптвимэ не ограничились *«назиданием грузин»* в своем монастыре, и по завещанию Афанасия Великого приняли на себя руководство и попечение над всем Афоном¹⁴.

Широкому пониманию этого *«говори по-грузински свободно»* афонские отцы придали, и

¹³ *Ibidem*, с. 372.

¹⁴ «Символ», N 35, с. 288.

церковно-географическое измерение. В эпоху первых грузинских афонцев особенной остроты достиг процесс противостояния между западной и восточной частями Церкви, и вообще между восточными и западными христианами. Этот процесс начался задолго до указанной эпохи, а уже при жизни Гиорги Афонского, случилось событие, которое признано рубежом окончательного и до сих пор неисцеленного разделения. Именно в это время мы наблюдаем то, что можно считать одним из способов «говорить по-грузински», – теплое и сердечное отношение к представителям христианского Запада.

Желание сближения с Западом было столь велико, что основатель Ивирона намеревался переселиться туда, а именно, в Испанию, но из-за противодействия византийских царей вынужден был оставить это намерение. Запад для первых афонцев не только земля христианская, но даже как бы и земля грузинская, поскольку, по их сведениям, на краю тогдашнего мира, в Испании, оказывается, проживает множество грузинских племен¹⁵.

При этом, явный интерес к Западу не свидетельствовал о пренебрежении к восточной части христианского мира. Афонские и в целом грузинские духовные деятели на протяжении веков ясно показали, что их родиной является кафелическая Церковь и все то пространство, на котором эта Церковь пребывает. Столь широкому

¹⁵ «Символ», N 34, сс. 365–366.

географическому и церковному кругозору грузинских афонцев соответствовало свободное и непредвзятое воззрение на церковные вопросы.

Наиболее ясно и впечатляюще проявилось это в деятельности Гиорги Святогорца. Именно его видим мы в роли наставника в Грузии, Антиохии и Константинополе. Не напрасно его ученик и жизнеописатель Гиорги Мцире присваивает ему титулы «*общего отца*» и «*всеобщего наставника*»¹⁶.

В этом отношении особо выразителен ответ Гиорги Святогорца на вопрос византийского императора Константина X Дуки о правомерности учения и практики различных поместных Церквей, в частности, об употреблении Западной Церковью в литургии пресного хлеба, что на Востоке признавалось и, кое-где и сейчас признается, одним из серьезных нарушений¹⁷.

В беседе с императором Гиорги Афонский предстает как нелицемерный и беспристрастный эксперт, который готов в любой аудитории заявлять и защищать то, что считает истиной, который не боится высказывать мнение, противоречащее укоренившимся и распространенным взглядам и защищать целостность католической Церкви от внутрицерковных раздоров и вражды.

Хотя само собой разумеется, что беседа с императором происходила на греческом языке, но

¹⁶ *Житие ГС*, с. 304; «Символ», N 38, 1997, с. 305.

¹⁷ *Ibidem*, сс. 292–294; сс. 300–301.

этот эпизод представляется блестящим примером и образцом свободного, т. е. понятного, недвусмысленного и смелого разговора по-грузински. Здесь как будто нашло свое предварительное осуществление высказанное немногим ранее, в X веке, синайским монахом Иоанэ-Зосимэ пророчество о будущем призвании грузинского языка: «Схоронен язык грузинский до дня второго пришествия его для свидетельства, чтобы всякий язык Бог обличил этим языком»¹⁸.

Этот эпизод из жизни Гиорги Афонского показывает также, какой духовной, нравственной и умственной высоты требует это таинственное призвание.

¹⁸ Иоанэ-Зосимэ. *Хвала и слава грузинского языка*.

